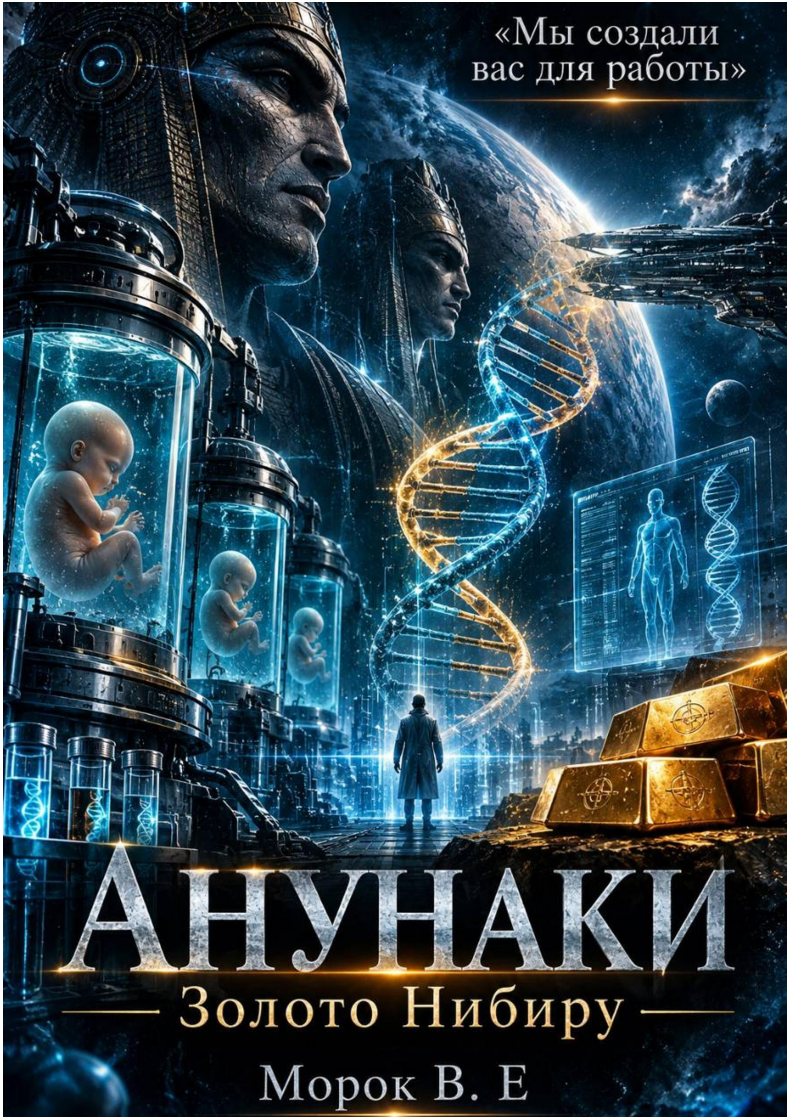

«Мы создали
вас для работы»
АНУНАКИ
Золото Нибиру
Морок В. Е

Морок В.Е
Анунаки

https://litres.ru/74716664
SelfPub; 2026

Аннотация

Нибиру умирает. Атмосфера рассеивается, города пустеют, и последнее, что может спасти планету, — золото. Оно лежит на голубой планете, где уже живут те, кто слышит голос Земли.

Анунаки прилетают как боги. Приносят машины, шахты и слово «больше». Но Земля — не рудник. Она — живая. И она запомнит каждого, кто пришёл с ножом.

Энки — учёный, который должен спасти свой народ. Для этого ему придётся создать тех, кто будет копать вместо него. Существа без памяти, без голоса, без души. Две цепочки вместо двенадцати. Но жизнь всегда находит лазейку.

Нира — первый крик созданного человека. Она не должна помнить. Не должна слышать. Но Земля поёт — и песню нельзя вырезать никакими ножницами.

Роман о том, что происходит, когда выживание становится важнее совести. И о том, почему земля всегда побеждает.

Содержание

ЧАСТЬ 1. ПРИБЫТИЕ 4
Пролог. Сигнал с Нибиру 4
Глава 1. Голубая планета 6
Глава 2. Шахты Абзу 12
Глава 3. Язык сердца 22
Глава 4. Цена золота 33
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Анунаки

ЧАСТЬ 1. ПРИБЫТИЕ

Пролог. Сигнал с Нибиру

Небо над Нибиру давно не было небом. Оно стало потолком, красным и низким, и под ним медленно умирал целый мир.

Ану стоял на балконе башни и смотрел на то, что осталось от Первого города. Воздух над ним дрожал от жара. Ещё в юности Ану помнил реки. Теперь реки были лишь следами на камне, а следы вели в никуда.

— Атмосфера уходит быстрее, чем мы считали, — сказал за его спиной голос сына. — Двести лет. Может, меньше.

Ану не обернулся.

— А золото?

Энлиль помолчал. Он был старшим, суровым и прямым,

как клинок. Он не любил, когда отец спрашивал о том, о чём все уже знали ответ.

— Золото есть, — наконец сказал он. — Но не у нас. Разведчики вернулись. В третьей системе, на голубой планете, его столько, что хватит укрыть небо. Рассеять в верхних слоях, и щит сомкнётся.

— Там есть жизнь?

— Есть. Но слабая.

Ану повернулся. Лицо у него было узкое, древнее, усталое. В глазах стояла та тяжесть, какую носят те, кто слишком долго решает за других.

— Слабая жизнь не помеха, — сказал он. — Готовьте корабли.

Так началось то, что потом назовут «приходом богов».

Глава 1. Голубая планета

Они спустились на рассвете.

Энки смотрел из иллюминатора, как под брюхом корабля разворачивается чужой мир. Он был учёным и привык к цифрам, к диаграммам, к сухой красоте формул. Но то, что он увидел сейчас, не укладывалось ни в одну диаграмму. Море. Не пятно воды на дне пересохшей впадины, а настоящее море, которое дышало, переливалось и жило.

— Двадцать процентов кислорода, — пробормотал помощник. — Влажность выше нормы. Господин, это же рай.

— Это не рай, — отозвался Энки. — Это добыча.

Слово вышло злее, чем он хотел. Он и сам это услышал.

Корабль сел на плоскогорье, над ущельем, где в разведочных пробах золото лежало почти на поверхности. Трап опустился. Энки сделал шаг на чужую землю, и земля под сапогом вздрогнулась. Не от тяжести. Ему показалось, что планета заметила его.

— Вы чувствуете? — тихо спросил он.

— Что? — не понял Энлиль, спускавшийся следом.

— Ничего.

Энки не стал настаивать. Энлиль не любил разговоров о чувствах планет.

В первый же день они увидели местных.

Сначала Энки не назвал их людьми. Слово было слишком простым для того, что он увидел.

Они стояли на краю плато, молча, в ряд, и было их немного, десятка два. Высокие, прямоходящие, с вытянутыми черепами и тёмной, красноватой кожей. По общему плану строения тела они были пугающе похожи на анунаков: лица, плечи, руки, пальцы, взгляд. Но в этой похожести было что-то чужое — не уродливое, нет, а самостоятельное, завершённое, словно природа здесь пошла другим путём и всё равно пришла к лицу.

— Гуманоидный вид, — тихо сказал Энки. — Очень близкий к нам по строению.

— Люди? — спросил Энлиль.

Энки помедлил.

— В отчётах разведки их называли Красными. По цвету кожи.

Он читал о них в донесениях и не верил. Теперь верил. Они не держали оружия. Они просто смотрели.

— Значит, не опасны, — сказал Энлиль.

Но Энки видел то, чего не видел брат. Один из них, самый старый, с белыми прядями у висков, шагнул вперёд и поднял ладонь. Это не было угрозой. Это было приветствие — так встречают гостей, которых не звали, но не гонят.

— Они знают, зачем мы пришли, — сказал Энки.

— Откуда?

— Не знаю.

Старик опустил руку. Потом заговорил. Слова были незнакомыми, но Энки вдруг понял их: не умом, а чем-то глубже, как понимают тишину или тепло.

Вы пришли за тем, что лежит в земле. Земля отдаст вам немного. Остальное не берите. Оно держит небо.

— Что он говорит? — нетерпеливо спросил Энлиль.

Энки помедлил.

— Он просит нас быть осторожными.

— Передай ему, — сказал Энлиль, — что мы возьмём столько, сколько нужно.

Энки не передал. Он просто смотрел в глаза старику и видел в них то, что потом будет видеть десятки раз за долгие годы работы на этой планете: спокойную, печальную ясность. Так смотрят те, кто знает, чем всё закончится, и всё равно не отворачивается.

В тот день шахты в Абзу заложили у подножия холма. Первый слиток подняли на закате.

Он был тяжёлый и тёплый, как живое существо. Энки держал его в ладонях и почему-то не мог отделаться от мысли, что слиток дышит.

— Хватит ли? — спросил Энлиль.

Энки посчитал в уме. Потом посчитал ещё раз.

— Хватит, — сказал он. — Если копать будет кому. Нас слишком мало.

Энлиль нахмурился.

— Тогда пусть копают они.

— Красные не будут. Ты видел их.

— Не будут добровольно.

В голосе брата было то, что Энки слышал впервые. Не гнев и не жестокость. Решимость человека, который уже всё для себя решил.

Энки промолчал. Но в ту ночь, глядя в чужое небо, полное незнакомых звёзд, он впервые подумал о вещи, которую потом не сможет забыть до конца жизни: о существе, созданном для работы. О существе, у которого не будет выбора.

Он ещё не знал, что именно это решение станет самым долгим его раскаянием.

Глава 2. Шахты Абзу

Через три года после посадки первое золото достали из земли руками.

Энки запомнил тот день, потому что именно тогда понял: добыча не будет похожа на расчёты. По расчётам жила уходила на сто метров вглубь, широкая, как русло реки. На деле она оказалась тонкой и капризной. Она ветвилась, пропадала, появлялась снова в десяти шагах и как будто дразнила. Инженеры называли это «женским нравом руды» и ругались, не стесняясь.

Абзу лежал в двух неделях пути от Эриду, первого поселения, где стояли корабли. Это была жаркая долина, зажатая между красными холмами. Река текла по ней неторопливо и мутно, а воздух стоял так плотно, что ложка в нём, казалось, могла бы застрять. Здесь Энки впервые услышал выражение «пятьдесят в тени». Тени, впрочем, не было вовсе.

— Сюда, господин. Осторожнее с краем.

Кишар, старший над горняками, шагал впереди по деревянным мосткам над провалом. Он был невысок, жилист, с

обожжённым лицом и руками, на которых кожа давно стала похожа на старую кору. Дома, на Нибиру, он вёл баржи по каналам. Здесь вёл людей в землю и ни разу не пожаловался вслух. Это Энки ценил в нём больше всего.

Следом шёл Нинурта. Сын Энлиля был молод по меркам их рода, всего двести с небольшим, и ещё носил в осанке то, что носят все молодые командиры: уверенность человека, которого никто пока не подвёл. Он шёл так, будто холмы вокруг принадлежали ему.

— Сколько сегодня? — спросил он, не глядя на Кишара.

— Тридцать одна мера.

— Отец требует сорок.

— Отец, наверное, видел расчёты, — сказал Кишар ровным голосом. — Я вижу породу.

Нинурта промолчал. Энки заметил, как дрогнули у него желваки, но ответа не последовало. Кишар был из тех, с кем спорить трудно: он ни разу не повысил голос.

Они спустились в шахту.

Лифт был грубо сколоченный, на тросе, который держался только благодаря упрямству тех, кто его ставил. Горизонты уходили вниз один за другим, и с каждым воздух становился жарче. На третьем Энки показалось, что он дышит из печи. На пятом он переставал замечать жару и стал замечать другое: тишину. Не ту, что бывает в пустом помещении. Другую. В ней что-то прислушивалось.

— Здесь, — сказал Кишар и поднял фонарь.

Жила лежала в стене, как шов на старой одежде. Тонкая полоса, не шире ладони, тусклая, почти незаметная. Но когда луч упал на неё под нужным углом, она вспыхнула так, что Энки на секунду зажмурился.

— Сколько её? — спросил он.

— Здесь немного. Но она идёт под холм. Если взять левее, где тонкий пласт пересекает речной ил, там самородки лежат почти на поверхности. Мы нашли их неделю назад.

Кишар достал из кармана тряпицу и развернул её. На ней лежал кусок золота размером с кулак ребёнка, неровный, тёплый от тела и тяжёлый.

— Возьмите.

Энки взял. Тяжесть была такой, какой он не ждал. Это был не тот холодный слиток, что лежал на приборном столе корабля. Этот был шершавый, с землёй в трещинах, и казалось, что он ещё не решил, отдаваться ли.

— Лугаль нашёл, — сказал Кишар. — Мальчишка. Ему триста лет, а он лазит по осыпям, как козёл.

Из темноты вышел юноша, тонкий и пыльный, с глазами, которые светились от гордости и усталости одновременно.

— Господин, — выдохнул он. — Он ведь настоящий?

— Настоящий, — сказал Энки. — Спасибо тебе.

Юноша покраснел так, что это было видно даже сквозь грязь.

На поверхности стояла машина, которую рабочие называли Молотом.

Это была резонансная бурильная установка высотой с трёхэтажный дом, питавшаяся от реактора, что гудел за холмом. Молот пробивал породу звуком. Он находил в камне частоту, на которой тот начинал рассыпаться, и наращивал

её, пока стена не превращалась в щебень. Красиво, быстро, но очень капризно.

В тот день она сломалась в четвёртый раз за неделю.

— Опять, — устало сказал мастер, молодой и худой, с обмотанной тряпкой рукой. — Опора гуляет. Мы подтягиваем, а она на следующий день снова ползёт.

— Земля сдвигается? — спросил Энки.

Мастер пожал плечами.

— Земля, господин, не движется. Это же камень. Просто опоры не держат.

Энки не ответил. Он смотрел на указатель, привинченный к стойке Молота. Это был старый навигационный прибор, ещё с корабля. Стрелка в нём всегда показывала на север, как положено, и сейчас показывала. Но она дрожала. Мелко, еле заметно, словно ей что-то мешало.

— Давно она так? — спросил он.

— С тех пор, как включили Молот, — сказал мастер и вдруг смутился. — Мы думали, это от реактора.

— Наверное, от реактора, — сказал Энки.

Он не поверил себе. Но это было слишком новое, слишком странное и слишком неуместное наблюдение, чтобы говорить о нём вслух. Он записал его в память прибора и пошёл дальше.

Энлиль прибыл на третий день, вместе с грузовым челноком, и привёз с собой не запчасти, а ведомости.

— Тридцать одна мера, — сказал он, глядя на бумаги. — Я просил сорок.

— Ты просил сорок, пока не видел породу, — ответил Энки.

Они стояли на краю карьера, в тени навеса. Энлиль был старше, шире в плечах и всегда казался выше, чем был на самом деле. Он вёл разговоры так, как ведут тяжёлые машины: не оборачиваясь и не сворачивая.

— Нас здесь двести, — сказал он. — Двести на две тысячи километров вокруг. Нужно в десять раз больше.

— Откуда?

— Привезём.

— Корабль идёт сюда сорок лет. Пока привезём, пока те вырастут...

— Тогда другие.

Энки повернулся к нему.

— Какие другие?

Энлиль не ответил сразу. Он смотрел на красные холмы, где в двух днях пути, за рекой, жили Красные. Оттуда по ночам иногда доходил тихий свет: не огонь, а что-то мягче. Энки знал: брат смотрит туда не первый день.

— Они живут рядом, — сказал наконец Энлиль. — Их тысячи. Они сильные, здоровые, живут тысячелетиями. И ничего не делают.

— Они делают то, чего мы не понимаем.

— Вот именно. Они не понимают, а мы умираем.

Это была правда. И Энки это знал. Он лишь не знал, как

сказать брату, что правда и то, что с ней делать, не одно и то же.

— Я поговорю с ними, — сказал он. — Но без давления. Они не из тех, кого можно заставить.

— Всех можно заставить, — сказал Энлиль. — Вопрос только в цене.

Он сложил бумаги и пошёл к челноку. Через плечо добавил, не оборачиваясь:

— Только не затягивай. Отец ждёт.

Вечером в лагере горел костёр.

Это было почти нарушением: открытый огонь на жаре запрещался, но в тот вечер никто не стал его гасить. Горняки сидели вокруг, чёрные от пыли, с кружками мутного напитка, и впервые за много недель говорили не о породе.

Энки не был лишён приглашения, но остановился чуть поодаль, в темноте. Он давно привык слушать, не показываясь.

— А я вот что скажу, — говорил кто-то. — Дома нас считают героями. На площадях стоят статуи. Говорят: горняки

Земли, спасители Нибиру.

— Хорошо, что они не видят, как мы тут спим, — отозвался другой голос.

Смех был короткий, лишённый веселья.

— А я вот думаю, — тихо сказал Лугаль. — Мы ведь здесь не рабы. Нас никто не заставляет. Мы сами вызвались.

— Вызвались, — согласился Кишар. — Потому что так надо.

— Тогда почему...

Юноша запнулся.

— Договаривай, — сказал Кишар.

— Почему мы работаем как рабы?

Никто не ответил. Костёр треснул, выбросив искры, и они на секунду повисли в густом воздухе, красные, как маленькие глаза.

— Потому что пока больше некому, — сказал Кишар. —

Пока.

В этом «пока» Энки услышал то, что услышал бы любой, у кого есть слух. Это не было ни угрозой, ни жалобой. Это было просто сказано. Так говорят о вещи, которая обязательно случится, только никто не знает когда.

Он ушёл в темноту, не потревожив их. В кармане лежал самородок, который ему так и не удалось отдать. Он был уже совсем не тёплым. Он остыл, как остывает всё, что слишком долго держишь в руке и никому не показываешь.

На небе над красными холмами взошла незнакомая луна. Энки подумал, что на родине таких не бывает. И что, если он сам не станет думать об этом очень осторожно, то скоро забудет, как выглядит родное небо.

Но думать об этом было уже некогда. В Эриду ждал разговор с Красными.

Глава 3. Язык сердца

Энки пошёл к Красным один и без оружия.

Нинурта возражал. Он стоял у трапа челнока, скрестив руки, и говорил, что глава экспедиции не может отправляться на чужую землю без охраны. Энки выслушал его до конца и ответил, что именно поэтому и пойдёт без охраны. Ответ был не совсем честным. Настоящая причина была в том, что он сам не знал, чего ждёт. А показывать неуверенность Нинурте он не хотел.

Река оказалась шире, чем выглядела с высоты. Он переправился на плоскодонке, которую оставили на берегу, видимо, специально для гостей. На другой стороне тропа вела вверх, между деревьями с широкими глянцевыми листьями, и вскоре кончилась перед городом.

Это слово подходило не вполне. Энки привык, что город состоит из стен, ворот, башен и людей, которые на этих стенах стоят. Здесь не было ничего из этого. Были невысокие дома из светлого камня, круглые, с открытыми проёмами вместо дверей. Были террасы, спускавшиеся к реке, на которых росли овощи и цветы. Были мостики, перекинутые че-

рез ручьи. Всё было так неприметно, так лишено охраны, что на мгновение Энки почувствовал себя вором.

Навстречу вышли двое.

Первый был из тех, кого он видел в день посадки: высокий, с вытянутой головой, тёмной красноватой кожей и глазами, в которых стояла неподвижная ясность. Второй был ниже ростом, шире в плечах, с обычной, как у самого Энки, формой головы. Он нёс на спине корзину и смотрел на гостя с открытым, почти детским любопытством.

Энки уже знал, что это два разных рода одного народа. Высокие назывались Махавишну. Они берегли равновесие, думали за всех и считались старшими. Низкие назывались Бодхисаттва. Они растили еду, строили дома, носили воду. Но слово «низкие» здесь не значило ничего. Он не увидел между ними ни тени неравенства: тот, что с корзиной, кивнул высокому, как кивают брату, а высокий кивнул в ответ так же.

— Тарн ждёт, — сказал носильщик.

Он произнёс это вслух, на ломаном, но понятном языке Нибиру. Видимо, учился у того, что подобрал в разведывательных отчётах. Энки был тронут. И смутился: сам он не

выучил ни слова на их языке.

Тарн сидел на плоском камне над рекой.

Его белые пряди у висков шевелились на ветру. Рядом стояла чаша с водой и больше ничего. Он не поднялся навстречу, не поклонился и ничем не показал, что рад или недоволен. Просто указал рукой на соседний камень.

Энки сел.

Молчание тянулось долго. Он привык к паузам в переговорах, но эта была другой: не пустой, а заполненной. Сначала он пытался подобрать первые слова. Потом перестал и стал смотреть на воду.

Через некоторое время он понял, что слышит.

Не слова. Что-то более глубокое, как чувство, которое приходит раньше речи. Сначала это было похоже на тепло, потом на любопытство, потом на мягкое, почти шутливое удивление, и всё это принадлежало не ему.

Ты думаешь очень громко.

Энки вздрогнул.

— Это... вы?

Тарн улыбнулся. Улыбка у него была странная, одним уголком глаз, а не рта.

Не словами. Ты привык слушать ушами. Но уши ничего не слышат. Они лишь передают.

— Но как...

Не пытайся понять. Просто слушай.

Энки закрыл глаза. В голове, как в плохо настроенной аппаратуре, стоял гул: список дел, цифры добычи, лицо Энлиля, тридцать одна мера, сорок мер, отец, реактор. Всё это било одновременно и громко. Он попытался заглушить, и стало ещё громче.

Нет. Не заглушай. Дай им пройти.

Он дал. Мысли шли, как прохожие по узкой улице, и один за другим растворялись. Постепенно в голове стало тише. И в этой тишине возникло то, чего он не слышал, наверное, с самого детства: ощущение, что рядом с ним кто-то есть и что этот кто-то ничего от него не хочет.

Он открыл глаза. По его щеке катилась слеза. Он не помнил, когда последний раз плакал.

— Что это? — спросил он вслух, хрипло.

— Сердце, — сказал Тарн. Теперь он говорил, и Энки понял, что Тарн перешёл на их язык, чтобы не пугать его. — Мы называем это просто слышанием. Вы называли когда-то так же, но забыли.

— Мы не забыли. У нас этого никогда не было.

— Было, — мягко сказал Тарн. — Вы закрыли.

Он водил Энки по городу до самого вечера.

Там не было правителей. Были те, кто лучше слышит, и к ним шли за советом, но решали сообща и без споров. Энки спросил, как это возможно, и Тарн, пожав плечами, ответил: если слышишь друг друга, спорить не о чем. Спор нужен тем, кто не слышит.

Они остановились у мастерской. Бодхисаттва лепили сосуды из красной глины, и с одним из них Тарн заговорил на своём языке, очень быстро, почти не размыкая губ. Мастер

засмеялся и протянул Энки чашку. Чашка была лёгкая, тёплая, неровная. В её боку виднелся отпечаток большого пальца.

— Это дар, — сказал Тарн. — Он делал её для тебя, пока мы шли.

— Откуда он знал?

— Я сказал ему.

Энки долго вертел чашку в руках. Дома, на Нибиру, подарок означал расчёт. Подарок на Нибиру всегда оценивали и сравнивали, и за ним всегда стояло то, чего от тебя хотели. Здесь он был просто чашкой.

У высокого дома на вершине холма они остановились.

— Здесь живёт Мейра, — сказал Тарн. — Она старшая из нас. Ей две тысячи лет.

— Две тысячи?

— Больше. Мы перестали считать.

Тарн помолчал.

— Завтра на рассвете она вознесётся. Если хочешь, приходи.

— Вознесётся? — переспросил Энки.

Тарн посмотрел на него долгим взглядом, и в этом взгляде было то, что Энки потом много раз вспоминал: терпение человека, объясняющего ребёнку очень простую вещь, которую ребёнок почему-то не может понять.

— Увидишь.

Он не спал всю ночь.

Лёжа на циновке в гостевом доме, Энки смотрел в потолок. Сквозь открытый проём виднелись звёзды, и ему казалось, что они ближе, чем должны быть, и что одна из них мигает не так, как остальные. Он старался думать о деле: о золоте, о реакторах, о Молоте, который ломается, но мысли возвращались к чашке, которая стояла рядом.

Перед рассветом он поднялся на холм.

Мейра сидела на каменной площадке над долиной, одна. Вокруг неё, на некотором расстоянии, стояли люди. Их было

несколько сотен, и ни один не произносил ни слова. Энки встал позади.

Она была очень стара. Но слово «старость» не подходило: в ней не было ни слабости, ни усталости, ни горечи. Была только тишина, как в стоячей воде.

Солнце поднялось над краем долины, и свет коснулся её лица.

Первой изменилась кожа. Она стала светлее, потом прозрачнее, и сквозь неё, как сквозь тонкое стекло, проступили линии: кости, сосуды, сложная паутина, которая светилась изнутри мягким золотистым светом. Потом заструился воздух вокруг неё. Он не дрожал от жара, а будто сам становился гуще и яснее, и Энки вдруг понял, что видит не тело, а что-то стоящее за телом.

Люди запели. Это было не слово и не мелодия, скорее один длинный ровный звук, идущий от каждого и ото всех сразу. Энки почувствовал, как этот звук проходит сквозь него, как вода сквозь решето, и не оставляет ничего, кроме светлой пустоты.

Потом площадка опустела.

Там, где только что сидела старая женщина, остался лишь тёплый воздух и слабый запах нагретого камня. Не было ни тела, ни одежды, ни следа. Даже тень на камне исчезла.

Энки поймал себя на том, что стоит на коленях. Он не помнил, как опустился.

Они простились у реки.

Тарн проводил его до лодки и не сказал ничего лишнего. Но когда Энки уже сел на борт, вдруг спросил:

— Теперь ты понимаешь?

— Нет, — честно ответил Энки. — Но я хочу понять.

— Вы ищете бессмертия, — сказал Тарн. — Мы знаем. Мы слышим.

— Откуда...

— Вы думаете об этом громко, все. Ты, твой брат, ваш отец, которого мы никогда не видели. Вы хотите не умирать, и вы строите для этого машины. Но мы не умираем. Мы возносимся. Это не одно и то же.

— Вы можете научить нас?

Тарн покачал головой.

— Научить нельзя. Можно только показать. Вы закрыли сердце так давно, что уже не видите, что оно закрыто.

— Нам нечего терять, — сказал Энки. — Наш мир умирает.

— Вам есть что терять, — сказал Тарн. — Просто вы не знаете что.

Эти слова Энки повторял про себя всю дорогу назад. Лодка шла по мутной воде, за кормой оставались красные холмы. Вскоре они скрылись, и вместе с ними пропало ощущение, которое он унёс оттуда: чьё-то тихое присутствие рядом, не требующее ничего.

В Эриду его ждал посыльный.

— Господин Энлиль приказал запустить второй реактор в Абзу, — сказал он, запыхавшись. — Не дожидаясь вас. С завтрашнего дня работа круглые сутки.

Энки кивнул. Он ничего не сказал. В кармане, прижатая к

бедру, лежала глиняная чашка с отпечатком чужого пальца.

Он вдруг подумал, что в этот самый момент где-то далеко, в красной долине, Тарн слышит то же самое. И что слушать это, должно быть, очень больно.

Глава 4. Цена золота

К концу четвертого года добыча в Абзу выросла до пятидесяти двух мер в неделю. Энлиль получил свою цифру и даже немного сверх неё. Он ни разу не сказал «спасибо». Он просто перестал присылать ведомости.

Энки вернулся из красной долины другим человеком, хотя ни перед кем в этом не признавался. По ночам, в палатке при свете переносной лампы, он занимался странным делом: рисовал карту.

Карта была не обычная. На ней не было ни рек, ни холмов, ни дорог. Он наносил на лист то, что показывали приборы: направление и силу магнитного поля планеты, в сотнях точек вокруг Абзу. Сначала линии шли ровно и красиво, как волосы, расчёсанные гребнем. Потом, около шахт, они начинали гнуться. Потом закручиваться. А в километре от реактора они образовывали почти замкнутую петлю, как будто что-то заставляло планету обходить это место стороной.

Энки долго смотрел на рисунок и думал о словах Тарна. Вы режете струны. Он тогда принял это за образ.

Теперь он видел, что это был точный технический термин.

— Магнитная решётка, — пробормотал он вслух. — Планета построена на ней, как корабль на каркасе. А мы работаем электричеством и распадом. Это чужие силы. Они не ложатся в её рисунок.

Он не мог доказать, что это вредно. Но чувствовал, как чувствуют сквозняк в запертой комнате: что-то идёт не так.

Первые толчки случились через неделю.

Ночью лампа задрожала на столе, по воде в кружке пошли круги, и всё стихло. Утром рабочие шутили, что земля чешется. Днём толчок повторился. На третий день по реке пошла рыба кверху брюхом, а вода у берега стала серой, будто в неё опустили мокрый пепел.

Энки написал Энлилю три письма. Ответа не пришло.

Обвал случился на четвёртую ночь.

Энки спал и проснулся не от шума, а от тишины. Вот что было странно: тишина наступила вдруг и повсюду. Молот, который гудел круглые сутки, замолк. Он лежал в темноте и слушал, как за палаткой, всё дальше, бегут чьи-то шаги.

Потом закричали.

Он выбежал босиком. Над карьером стояла пыль, густая, как дым. В её глубине, где раньше был ствол третьего горизонта, зияла воронка. Её края оседали на глазах, осыпаясь тёмными струйками.

— Люди! — кричал кто-то. — Люди внизу!

В ту ночь в шахте работала вся ночная смена. Двадцать два человека. Двадцать два, которых он знал по именам.

Энки полез первым.

Никто не отдавал приказов. Кишар, с лицом серым от пыли, уже стоял у обрыва и командовал: верёвки, лестницы, носилки. Горняки бросали всё, что делали, и выстраивались цепью. Те, кто не мог копать, подавали воду. Те, кто мог, копали руками.

Энки копал вместе с ними. Он сорвал ногти и не заметил. Земля была горячая, как будто под ней горел огонь. Каждые несколько минут она вздрагивала, и тогда все замирали, а потом, не говоря ни слова, снова брались за работу.

Первого достали через час. Живого, оглушённого, с кровью в ушах. Потом ещё двоих. Потом ещё. Их выносили на поверхность и клали на расстеленные куски ткани, и тот, кто дышал, получал глоток воды, а тот, кто не дышал, получал взгляд, и больше ничего.

Лугаль вытащил из-под обломков мастера, того самого, с обмотанной тряпкой рукой. Ларака. Он тащил его на себе, оступаясь, плача и не замечая слёз. Когда они выбрались на поверхность, Ларак был уже мёртв.

— Он не дышит, — сказал Лугаль. — Господин, он не дышит!

Энки опустился рядом. Он положил ладонь на мёртвую грудь и ничего не почувствовал.

Опоры, подумал он. Он говорил об опорах. А я решил, что это просто опоры.

Под утро с реки пришли Красные.

Они появились не толпой, а тихо, по двое и по трое, без шума. Бодхисаттва, широкоплечие, молчаливые, в простых серых одеждах. Они несли воду в больших глиняных кувшинах, холщовые мешки с травами, свёртки чистой ткани.

Остановились на краю лагеря и ждали.

Нинурта, у которого руки были в крови, выпрямился.

— Стража!

Два десятка воинов в блестящих нагрудниках выстроились поперёк тропы. Оружие поднялось. Красные не отпрянули. Они просто стояли и смотрели, и в этой неподвижности было что-то такое, от чего стражники первыми отвели взгляд.

— Опустить оружие, — сказал Энки.

Он произнёс это негромко, но Нинурта обернулся, будто его ударили.

— Они пришли без приглашения. Они могут быть...

— Они пришли помогать. Опустить.

Нинурта посмотрел на него, потом на воинов. Секунду казалось, что он не подчинится. Потом коротко кивнул, и оружие опустилось.

Красные вошли в лагерь. Они не задавали вопросов. Те,

у кого в руках были травы, склонились над ранеными. Те, у кого были кувшины, подносили воду. Один, огромный и неторопливый, подошёл к краю воронки, постоял, прислушиваясь, и положил на землю обе ладони.

Энки пошёл к нему.

— Что ты слышишь?

Бодхисаттва поднял голову. Лицо у него было мокрым. Он плакал, не вытирая слёз.

— Она кричит, — сказал он тихо и ясно, на языке Нибиру. — Земля кричит.

Энки не знал, что ответить.

Тарн пришёл на рассвете.

Он шёл медленно, опираясь на посох, и вокруг него расступались все: горняки, Красные, даже стража. Он остановился у воронки и долго стоял, не двигаясь. Потом перевёл взгляд на Энки.

— Четырнадцать, — сказал он. Это не был вопрос.

— Четырнадцать, — подтвердил Энки. — Ещё восемь тяжело ранены.

— Мы возьмём их к себе. Наши лекари умеют больше, чем ваши.

— Спасибо.

— Не благодари. Это не милость. Это... — Тарн замолк, подбирая слово. — Это то, что делают, когда рядом больно.

Они стояли рядом и смотрели, как Красные поднимают носилки и несут раненых к реке. Горняки смотрели молча. Кто-то отвернулся и вытер лицо рукавом.

— Я рисовал карту, — сказал Энки. — Планету держит магнитная решётка. Мы её ломаем.

Тарн кивнул, как будто услышал то, что давно знал.

— Ты тоже слышишь.

— Я измеряю.

— Это то же самое, только медленнее.

Он помолчал.

— Земля поёт, — сказал он. — Её песня магнитная, и она пела так миллионы лет. Каждое живое существо на ней знает эту песню и живёт в ней. Вы приносите в песню огонь и яд. Электричество, которое здесь не живёт. Распад, которого здесь не должно быть. Они не гармонируют. Они разрушают. Я чувствую каждый удар вашего Молота в зубах.

— Что будет дальше?

— Решётка начнёт ломаться. Сначала понемногу. Земля станет другой. Всё живое на ней станет другим. И однажды она не сможет вернуть то, что было.

— Что нужно сделать?

— Остановиться.

Энки долго молчал.

— Нельзя, — сказал он наконец. — У нас нет выбора.

— Выбор есть всегда, — сказал Тарн. — Просто он стоит дороже, чем вы готовы платить.

Энлиль прилетел к полудню.

Он вышел из челнока один, без свиты, и прошёл прямо к рядам тел, накрытых тканью. Там он остановился и несколько минут стоял молча. Энки знал это лицо: каменное, закрытое, как забрало. Но в ту минуту под ним проступило что-то человеческое, и у Энки на миг сжалось сердце.

— Четырнадцать, — сказал Энлиль.

— Четырнадцать, — повторил Энки. — Это не последние, если мы продолжим.

Он протянул брату карту. Энлиль взял, пробежал глазами и вернул.

— Приборы можно подстроить.

— Ты думаешь, я подстроил?

— Я думаю, ты слушаешь не приборы, — сказал Энлиль. — Ты слушаешь Красного.

— Он прав.

— Возможно. — Энлиль повернул к нему голову. — Ска-

жи мне одно. Если мы остановим Молот, сколько мер мы будем добывать в неделю?

Энки молчал.

— Сколько?

— Ничего.

— Вот именно. — Энлиль помолчал. — Четырнадцать человек погибли. Это ужасно. Я не отказываюсь. Но на Нибиру умирают сотни тысяч, каждый год. Через тридцать лет умрут все. Как ты думаешь, что скажет отец, если я приду к нему и скажу, что мы остановились, потому что земля кричит?

— Он поймёт.

— Он не поймёт. И ты это знаешь.

Энки не ответил. Потому что Энлиль был прав.

— Мы продолжаем, — сказал Энлиль. — Только быстрее. Нинурта получит плазменные резаки. Они берут породу в полтора раза быстрее и питаются от распада.

— От распада?

— Да.

— Энлиль...

— Это приказ.

Он пошёл к челноку. У трапа остановился, не оборачиваясь.

— Похороните их хорошо, — сказал он. — Они это заслужили.

Хоронили в тот же вечер, на холме над рекой.

Кишар стоял у края могилы с лопатой в руках. Лопата была та самая, которой он вытаскивал из воронки живых и мёртвых, и на ней всё ещё чернела засохшая глина. Он не смотрел на гроб, он смотрел на реку. Серая вода медленно ползла мимо, неся на себе белые пятна гниющей рыбы.

К нему подошёл Лугаль. Юноша был чёрен от грязи, и лицо у него было такое, как у человека, который проснулся и не может вспомнить, где он.

— Господин Кишар, — сказал он. — Мы ведь герои?

Кишар долго молчал.

— Мы расход, мальчик, — сказал он наконец тихо. — Просто расход. Герои — это те, кого считают. А нас пока не считают.

Он бросил лопату в землю.

— Но мы будем считать сами.

Юноша не понял. Но Энки, стоявший у соседнего дерева, понял. И подумал, что если когда-нибудь это будет записано в хронике, то никто, наверное, не заметит, с какого именно слова всё началось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.